

КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВО В ПЕРСПЕКТИВЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В.М. МЕЖУЕВ

Культура современной России не укладывается полностью в рамки деятельности Министерства культуры. Во-первых, не вся культура подвластна этому органу (например, образование, наука, спорт, туризм и пр.), во-вторых, государственное управление культурой в России имеет более длительную историю, чем созданное лишь во второй половине XX века в СССР Министерство культуры. До того, напомню, культура была подведомственна государственным органам образования и просвещения. Само их разделение на Министерство образования (и науки) и Министерство культуры было обусловлено не прихотью власти, а происшедшими еще в советский период существенными изменениями в культурной жизни общества. Если раньше образование (школа в широком смысле слова) фактически было синонимом культуры (культурным считался, прежде всего, человек, получивший образование), то с развитием средств массовой коммуникации сфера культуры вышла далеко за рамки одной лишь образовательной деятельности. Сегодня она охватывает самые разные формы участия человека в культуре – от школ и университетов до массовых зрелищ и пользования Интернетом. Даже традиционные учреждения и институты культуры – театры, библиотеки, музеи, выставки и пр. – во многом преобразились, приобрели иной вид, по-новому строят свои отношения с посещающей их публикой. В то же время с переходом к рыночной экономике культура в своей значительной части обрела характер коммерческой деятельности, поставленной на поток мощной индустрии, экономического маркетинга. Все это достаточно основательно проанализировано в социологической литературе на данную тему.

За последний период произошли и другие изменения. Культура в нашей стране освободилась от идеологического диктата власти, от государственной цензуры. С принципом классовости и партийности в литературе и искусстве давно покончено. Все виды творческой деятельности стали свободными в прямом смысле этого слова. Никто не сомневается в огромном позитивном значении происшедших перемен. Однако с творческой свободой пришли новые проблемы, касающиеся, прежде всего, изменившейся роли культуры в современном обществе, эстетического и морального качества создаваемой культурной продукции, ее доступности для массового потребителя и пр. Все они прямо затрагивают взаимоотношение государства и культуры в новых условиях. Означает ли, что государство, предоставив деятелям культуры творческую свободу, должно целиком уйти из этой сферы, передоверив ее

судьбу исключительно рынку? Какой вообще должна быть роль государства в культурной жизни современного российского общества?

Прежде всего, важно разобраться в том, с какого момента участие государства в делах культуры становится одним из условий ее воспроизводства. Ведь далеко не во все времена и по отношению не к любой культуре государство брало на себя эту функцию. Так называемая народная культура (мифы и предания, обычаи, фольклор и пр.), существовавшая, как правило, в стихии устной речи, создавалась, сохранялась и воспроизводилась без участия государства, держалась на силе традиции, непосредственно передавалась от родителей к детям и на соседском уровне. В современном обществе традиционные механизмы трансляции культур, не требующие вмешательства государства, сильно разрушены, если не исчезли полностью. Традиция как способ передачи культурных ценностей от поколения к поколению в наше время фактически перестала служить главным средством культурной коммуникации. Мы много говорим и пишем о важности культурных традиций, призываем считаться с ними, но эти призывы сами по себе указывают на то, что современное общество все менее становится традиционным, базирующимся на авторитете прошлого, на его доминировании над настоящим и будущим.

Уже возникновение письменности (а вслед за ней и письменной культуры с ее индивидуальным авторством) привело к созданию особых культурных институтов и учреждений – образовательных, просветительских, связанных с передачей и хранением культурных ценностей – школ, библиотек, архивов, музеев и пр. Само изобретение письменности, как отмечают некоторые исследователи, было продиктовано нуждами государственного управления и учета собираемых налогов¹. Носителями и творцами письменной культуры являются те, кто умеют читать и писать – его образованные слои, которые поначалу образуют явное меньшинство по сравнению с основной – неграмотной – массой населения. Отсюда характерный для большинства традиционных обществ разрыв между большой традицией письменной культуры и малыми традициями местных культов, или, проще, между грамотными и безграмотными². В России примером такого разрыва может служить существовавший на протяжении значительной части ее истории разрыв между народом и интеллигенцией: если интеллигенция представляла большую традицию письменной культуры, то народ (крестьянство), будучи безграмотным, жил преимущественно в традиции дописьменной культуры.

Представители «ученого сословия» находятся в этой ситуации под прямым покровительством государства, нуждающегося в грамотных

¹ По словам английского социолога Э. Геллнера, «повидимому, письменное слово входит в историю вместе с казначеем и сборщиком налогов: древнейшие письменные знаки свидетельствуют прежде всего о необходимости вести учет» (Геллнер Э. Нации и национализм. М. 1991. С.37-38).

² «В аграрном обществе грамотность усугубляет пропасть между большой и малой традициями (или культурами). Принципы и формы организации ученого сословия в великих, создавших свою письменность культурах, многообразны, и глубина пропасти между большой и малыми традициями может быть очень разной» (там же. С.).

чиновниках, ученых, юристах, короче, в людях умственных профессий. И в России интеллигенция возникла как созданное государством особое сословие образованных людей, вышедших преимущественно из привилегированных слоев общества (Ломоносов здесь – счастливое исключение). Получая образование за границей или у себя дома, причем, как правило, за казенный счет, они готовились в первую очередь к несению государственной службы и исполнению прямых приказов власти. Для этого периода характерна слитность интеллигенции с государством и властью (вплоть до наделения ее официальными государственными титулами и званиями). В феодально-сословном обществе власть в лице монарха, аристократии, церковных иерархов – главный покровитель искусств и наук, основной заказчик и потребитель культурной продукции. Это время расцвета придворного театра, музыки, живописи, архитектуры. Кто платит, тот, естественно, заказывает и музыку, что, однако, не мешало появлению в то время выдающихся художественных творений, обретших затем значение классических. Очевидно, вкусы заказчиков были достаточно развиты, чтобы не препятствовать этому. Интеллигенция здесь непосредственно служит власти, которая со своей стороны оказывает ей высочайшее покровительство, хотя и строго следит за состоянием умов и политической благонадежностью ее отдельных представителей. Противостояние интеллигенции и власти возникнет позже, когда будет осознана несовместимость государственного патернализма с целями культуры.

С возникновением в Европе гражданского общества коренным образом меняется и взаимоотношение государства и культуры. На смену власти традиции и государства в культурной сфере придет – сначала в Европе, а вслед за ней и в России – сознание неоспоримой для культуры ценности индивидуальной свободы, неподвластной ничему, кроме как только человеческому разуму (просветители) или вдохновению художника (романтики). Культура будет осознана как сфера «образования» (Bildung) индивида, его возвышения до уровня свободной, универсальной и творчески реализующей себя личности. Уже в XIX веке деятели культуры увидят в государстве не хозяина, а слугу культуры, обязанного считаться с ее запросами и требованиями. Не культура для государства, а государство для культуры – так формулируется теперь главный принцип их связи друг с другом. Иногда такое отношение к государству доводится до крайности. Так, Фридрих Ницше видел в нем «холодное чудовище», главного врага культуры, лишаящего ее ради своего «государственного эгоизма» всякой жизненной силы. С тех пор, как немцы превратили культуру в служанку имперской политики (это произошло, по его мнению, во времена Бисмарка), великая немецкая культура прекратила свое существование. Любая попытка работать на государство, с этой точки зрения, ведет к истощению и гибели культуры.

Подобная негативная оценка культурной роли государства легко, конечно, оспаривается по нынешним временам, хотя эта роль требует

существенного переосмысления и специального исследования. Попробуем, хотя бы в общем виде, выделить то главное, что характеризует новый тип взаимоотношения между государством и культурой в наше время, не претендуя, разумеется, на всю полноту раскрытия данной темы. При этом будем исходить из того, что является наиболее существенным, с нашей точки зрения, и для современной, т.е. постсоветской, России.

Сегодня многие думают, что культура нуждается в государстве только экономически, прямо завися от его финансовой помощи и поддержки. В своих обращениях к государству деятели культуры обычно сетуют на недостаточное финансирование их проектов и начинаний. Дайте денег, и с культурой будет все в порядке. От того, сколько денег государство выделяет на культуру, действительно, зависит многое, но только ли к этому сводится его роль? Даже при наличии государственного финансирования культуры встает вопрос, на что в первую очередь нужно тратить выделяемые средства? Какими приоритетами должно руководствоваться государство в своей культурной политике? Здесь есть, о чем подумать, и практикам, и теоретикам культуры.

Финансовая зависимость культуры от государства существовала во все времена, хотя проявлялась по-разному на разных этапах истории. Традиция финансового поощрения властью выдающихся деятелей искусства и науки (посредством государственных грантов, премий и пр.) сохраняется и сегодня. Существует и прямое государственное финансирование наиболее значительных творческих коллективов, из чего часто делают вывод, что главным объектом государственного покровительства были и остаются сами творцы культуры. Но как совместить этот вывод со стремлением тех же творческих работников полностью освободиться от идеологического и любого другого диктата власти? Пока они работали на власть, выполняя ее прямые заказы, свое творчество они как-то сочетали с ее пожеланиями. Но зачем государству платить за музыку, которую оно не заказывает?

Подобный вопрос встает сегодня и перед деятелями нашей отечественной культуры. Свою творческую свободу они должны теперь оплачивать из собственного кармана, продавая свои произведения на рынке, превращая их в товар. Зависимость от власти сменяется их зависимостью от частных компаний и фирм, дающих им определенный заказ или торгующих продуктами их труда. И такая зависимость для них подчас не менее обременительна, чем прежняя: вспомним судьбу тех, кто задолго до них попал в эту зависимость: многие получали признание после своей смерти и кончали свою жизнь в нищете.

Большинство находит выход в том, что приспособливает свое творчество к требованиям массового потребителя, реагирует исключительно на рыночный спрос, даже если он и не во всем соответствует канонам высокого художественного вкуса. Так рождается массовая культура. Она целиком во власти рынка, являет собой особый вид предпринимательской деятельности и далеко не во всем совпадает с тем, что понималось под культурой раньше.

Например, в оценке произведений искусства на смену эстетическим (качественным) критериям приходят социологические (количественные), учитывающие не столько их творческую новизну и оригинальность, сколько массовую популярность. Подобное омассовление культуры часто выдают за ее демократизацию.

Существует мнение, что демократия, открывая для масс широкий доступ к культуре, влечет за собой снижение идейного, морального и эстетического уровня создаваемой культурной продукции. К такому выводу склонялись многие философы на Западе и в России. Вспомним хотя бы того же Ницше, говорившего, что книги, которые пишутся для масс, – это дурно пахнущие книги. О том же и знаменитая книга Ортеги-и-Гассета «Восстание масс». По их, да и не только их мнению, подлинная культура не демократична, а аристократична, элитарна, рассчитана на избранных. Разве расцвет классической культуры не падает на времена, когда не было никакой демократии, а художники творили под присмотром монархической власти? Пример России, достигшей высот своего художественного развития в эпоху царизма, а сейчас в чем-то утратившей эту высоту, казалось бы, только подтверждает такое мнение. Задача государства, с этой точки зрения, состоит в том, чтобы и в условиях демократии поддерживать «высокую», или элитарную, культуру, тогда как массовая культура может выжить на началах полной рыночной самоокупаемости.

В таком мнении есть доля истины. Кто, кроме государства, может взять на себя функцию сохранения и защиты высокой культуры в обществе с рыночной экономикой, с одной стороны, и поддержания культурного имиджа нации в ситуации глобальной экономики и транснациональных информационных связей – с другой? Видимо, никто. Подобное мнение разделяют многие современные исследователи. Как пишет В.С. Малахов, «дело в том, что есть сферы культурного производства, которые не могут существовать вне государственной поддержки. Это вся «высокая культура» - от симфонической музыки и оперного театра до авторского кино. Некоммерческая культура (будучи по определению «убыточной») влачила бы самое жалкое существование, если бы государства не предпринимали усилий по ее поддержке. В частности, мощными средствами такой поддержки являются такие институты, как национальные премии за достижения в области литературы и искусства, фестивали и книжные ярмарки, а также стипендии и другие формы поощрения творческих личностей. Разумеется, учреждение подобных премий и организация фестивалей могут происходить и на основе частной благотворительности, однако государству здесь принадлежит решающая роль»³.

Но только ли в «поощрении творческих личностей» состоит культурная политика демократического государства? И какими критериями оно должно руководствоваться, определяя, кто достоин такого поощрения, а кто нет? Как отличить подлинно художественную новацию от имитации новизны, плод

³ В.С. Малахов. Государство в условиях глобализации. М. 2007. С.208.

истинного вдохновения от простого трюкачества? Ведь далеко не все новое в искусстве служит целям и задачам «высокой культуры». То, что проверено временем, несомненно, заслуживает поддержки, но как быть с многочисленными экспериментами в области искусства, осуществляемыми современными художниками? Все ли они должны финансироваться за счет государства?

Проблема и в том, что понимать под культурой, чем измерять ее реальные достижения. Если только наличием великих имен, которыми мы гордимся, то как быть с остальной массой? Или она не в счет? Не следует забывать, что классические шедевры создавались в России в ситуации темноты и элементарной неграмотности подавляющей части населения страны. Во времена Пушкина, Достоевского и Толстого народ в России был весьма далек от того, что сегодня выдают за его величайшее культурное достояние. И чем тогда измерять реальное состояние культуры – числом великих произведений или степенью приобщения к ним широких масс населения, уровнем их образованности и просвещенности?

Еще в советское время у нас была разработана концепция культуры, включавшая в культуру всю сферу производства человека как общественного существа. Культура – это тоже производство, но не просто вещей и даже идей, но самих людей в их отношении с природой, друг с другом и самими собой. Главным продуктом культуры является сам человек во всей целостности своего общественного бытия. Говоря словами Маркса, культура - это «культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями, - производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества...»⁴.

Такое понимание культуры противостоит ее сведению к уже готовым, ранее достигнутым результатам человеческой деятельности, будь то произведения искусства, научные знания, изделия ремесла или технические изобретения. Это всего лишь внешняя, чисто предметная форма существования культуры. Только, будучи усвоена человеком, так сказать, переплавлена в его личные качества и свойства, она обретает адекватную себе – личностную - форму существования. Но отсюда следует, что культура страны измеряется не только достижениями ее отдельных творцов, но и тем, насколько они усвоены основной массой населения. В демократическом государстве подобное направление культурного развития обретает решающее значение.

Нет слов, Россия – страна с великой культурой. В то же время она в XIX в. - одна из самых отсталых в культурном отношении стран Европы, что признавалось практически всеми ее выдающимися писателями и мыслителями. Надо совершенно не считаться с историей, чтобы отрицать это. Для дореволюционной России характерен колоссальный разрыв между культурой привилегированной части общества – дворянской и чуть позже

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С. 386.

разночинной – и той, в которой жила большая – преимущественно крестьянская – часть населения. Отсюда и противостояние народа и интеллигенции. Те и другие жили как бы в разных культурных мирах, не понимая друг друга, разделяя взаимное чувство недоверия и даже вражды. Желанию интеллигенции поднять народ до себя, образовать и просветить его или, наоборот, самим вернуться к истокам народной жизни, противостояла плохо скрываемая народная неприязнь ко всем этим господам «в очках и шляпах», которые в представлении простых людей были такими же баррами, как помещики, чиновники и капиталисты. Отзвук подобного отношения к интеллигенции мы находим даже у Ленина. Чем это обернулось для интеллигенции в период революции и после нее, хорошо известно. Подобный финал Г.П.Федотов назвал «трагедией интеллигенции». В советское время пропасть, разделявшая интеллигенцию и народ, вроде бы несколько сократилась (возникла так называемая народная интеллигенция), но сама проблема осталась, учитывая, что по тогдашней социальной стратификации интеллигенция не могла претендовать на нечто большее, чем быть только общественной прослойкой.

Можно ли преодолеть культурный разрыв между интеллигенцией и остальными слоями общества? Речь идет о преодолении не профессиональных, а именно культурных барьеров, разделявших до того тех и других. Невозможно, чтобы культура, базирующаяся на современном знании, эстетически развитом вкусе и высокой нравственности, будучи доступна одним, оставалась чуждой и непонятной для других, была бы, говоря философским языком, отчуждена от основной массы народа. Преодоление такого отчуждения - предмет первостепенной заботы демократического государства. Объектом государственного покровительства становятся здесь не столько сами творцы культуры, сколько ее потребители - читатели, зрители, слушатели. Предоставляя первым свободу творчества, демократическое государство не может полностью устранить от задачи формирования высоких культурных запросов и их максимально полного удовлетворения всего населения страны. И подобное отношение к культуре вытекает из природы самой демократии. Ведь будучи властью народа, она предполагает наличие у него определенных знаний и культурных навыков, позволяющих ему пользоваться этой властью. Если власть принадлежит народу, то воспользоваться ею он может при условии, что и культура принадлежит ему. Без политической и духовной культуры гражданского населения демократия вырождается в охлократию - во власть темной и невежественной толпы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Культура масс (не путать с массовой культурой) - не просто благое пожелание, но необходимое условие выживания и самосохранения самой демократии.

Как можно решить эту задачу? Очевидно, одним путем – обеспечивая каждому человеку свободный доступ ко всему накопленному богатству культуры. Но так создается и сама культура, ибо, как уже говорилось, лишь,

будучи усвоена человеком, входя в его привычки и быт, она становится культурой в подлинном смысле этого слова. Только в мыслящем, чувствующем, действующем человеке культура обретает собственную, адекватную себе форму существования. Поясню эту мысль на следующем примере. Роман «Мастер и Маргарита» окончен Михаилом Булгаковым в 1940 г. и уже тогда стал выдающимся явлением литературы. Но дошел он до читателя лишь в 60-х гг. XX столетия и только с этого момента может считаться явлением культуры. Для превращения художественного произведения в факт культуры нужен не только автор, но и читатель, зритель, слушатель, короче, публика. Книга, которую никто не прочитал, фильм, который никто не видел, не есть событие культуры, даже если они и обладают выдающимися художественными качествами. Возможно, конечно, и обратное, когда фактом культуры становится произведение, лишенное художественных достоинств. В любом случае произведение искусства обретает значение явления культуры лишь в акте своего потребления. Поэтому учреждения, посещаемые или востребованные широкой публикой, – театры, кинотеатры, музеи, библиотеки, концертные залы, клубы и пр., – и называются культурными институтами. Театр, например, в лице своего творческого коллектива – вид искусства, но как место встречи этого коллектива со своими зрителями – учреждение культуры.

Отсюда следует, что государство, желающее быть демократическим, берет под свое покровительство не просто отдельных творцов культуры, а *институты культуры*, посредством которых осуществляется прямая связь творцов с потребителями. Никакое государство не может обязать художника создавать шедевры, но только демократическое государство считает своей прямой обязанностью поддержание учреждений и институтов культуры, обеспечивающих широкий доступ населения к уже созданным шедеврам. Рынок вроде бы тоже связывает производителя с потребителем, однако, в отличие от институтов культуры он связывает их в функции все же не писателя и читателя, музыканта и слушателя, художника и зрителя, а, прежде всего, продавца и покупателя.

Потребление культуры в любом случае следует отличать от потребления всех остальных благ и услуг. В случае культуры потребляется не предмет или вещество, из которого он изготовлен (в результате чего данный предмет или услуга исчезают в процессе потребления), а заключенная в предмете ценность, тогда как сам предмет остается в неприкосновенности. Предметы культуры, востребованные человеком, никак не могут быть приравнены к обычным вещам, обладающим для него определенной полезностью. Если предметы обычного потребления (еда, одежда, домашняя утварь, жилище и пр.) приобретаются на рынке по своей меновой стоимости, выраженной в деньгах, но как денежно измерить заключенную в предмете культурную ценность? Хотя это и делается сплошь и рядом, никакой ценой нельзя измерить культурную ценность, например, произведений Шекспира или Толстого. Если рыночные отношения строятся на основе экономической

выгоды и расчета, то отношения людей внутри культуры – между ее творцами и потребителями – предполагают отсутствие между ними денежного или какого-либо иного, не относящегося к делу посредника. Если операции на рынке в любом случае носят характер коммерческой сделки, то связь людей в сфере культуры может состояться лишь при условии, что она полностью свободна от интересов извлечения прибыли или простого приобретательства. И только государство способно защитить культуру от ее сведения к рыночным отношениям, переводя, например, основные институты культуры в разряд общенациональных, финансируемых из государственной казны.

Демократизация и приватизация культуры, с этой точки зрения, – разнонаправленные процессы. Что, собственно, мешает государству осуществить тотальную приватизацию всей культуры? Почему нельзя приватизировать Третьяковскую галерею, Русский музей, Эрмитаж, все театры и музеи, библиотеки, научные и образовательные учреждения, наиболее значимые памятники истории и архитектуры? Почему культурой нельзя торговать как нефтью и газом? Ведь существуют частные спортивные клубы, киностудии, театры, телевизионные каналы, газеты и журналы, книгоиздательства и многое другое. Те, кто напрямую работает на них — спортсмены, журналисты, режиссеры и артисты, писатели и художники, отнюдь не в накладе: получать из частной кассы намного выгоднее, чем из государственной казны. С экономической точки зрения, нет никаких препятствий и для приватизации всего остального. Денежный выигрыш государства будет огромным, а заодно позволит ему снять с себя тяжелое финансовое бремя по содержанию культуры. Возможно, кому-то в голову и приходит такая мысль, но большинство, как я думаю, посчитает ее абсурдной, губительной если не для творцов культуры, то уж точно для ее потребителей. В той же мере, в какой приватизация государственной власти влечет за собой ее бюрократизацию и монополизацию узкой группой людей, навязывающих свою волю всему обществу, приватизация культурных институтов превращает культуру в монополию частных лиц, диктующих ей свои, во многом корыстные, интересы. То и другое весьма далеко от всякой демократии. Демократия на то и нужна, что предохраняет от захватов рынка все то, что не подлежит никакой приватизации, а именно сферу природы, государственной политики и культуры. Она – не служанка рынка, а его прямой оппонент, стоящий на страже того, что принадлежит каждому и всем.

Но можно ли в условиях рыночной экономики избежать полной коммерциализации культуры? И к чему приведет такая коммерциализация? Сходный вопрос обсуждается и на Западе. Сошлюсь на книгу двух известных на Западе специалистов в области культурной политики М. Пахтера и Ч. Лэндри, вышедшей у нас под названием «Культура на перепутье. Культура и культурные институты в XXI веке». Первое, что они констатируют, – это наличие в культуре совершенно новой ситуации, в корне отличной от той, что существовала недавно. Эта ситуация создает, по их словам, весьма

«тревожную атмосферу», вызванную, прежде всего, «кризисом финансирования». «Те, кто обычно вкладывал средства в культуру, - пишут они, - сегодня задумываются, почему они это делают, на что идут их средства, и требуют, чтобы работники сферы культуры по-новому объяснили свои цели и задачи. Это относится как к государственному финансированию, так и к частным спонсорам, корпорациям или социальным элитам, которые вносят свой финансовый вклад в деятельность организаций культуры»⁵. Западные бизнесмены неохотно тратят деньги на культурные проекты, считая их весьма сомнительными по своим целям и задачам.

Другим фактором, «вызывающим озабоченность», они называют возросшую в условиях рынка и массового общества конкуренцию между классикой, экспериментом и популярным зрелищем (в театрах) или между наукой и развлечением (в музеях). Новая структура досуга и свободного времени со всей остротой ставит вопрос о том, «что происходит при таком сближении культуры и коммерции, образования и развлечения? Каков итоговый баланс положительных и отрицательных последствий этой конвергенции?»⁶. Меняется само представление о назначении и роли в обществе культурных институтов: если раньше считалось, что любой культурный опыт ведет к совершенству человека, а культурные институты хороши сами по себе, то теперь оправданность их существования не столь очевидна.

«Культурный ландшафт» современного общества, действительно, сильно преобразился по сравнению с прошлым. Наряду с традиционными формами производства и потребления культуры, он включает в себя новые формы – огромную индустрию развлечений, способную удовлетворить спрос любой массовой аудитории. Работая преимущественно на рынок, делая его главным арбитром «в вопросах ценностей и вкуса», она менее всего нуждается в государственной поддержке. В обществе рыночной экономики и массового потребления многие культурные институты не чувствуют себя столь уверенно как раньше и вынуждены, как считают авторы книги, пересмотреть свои цели и задачи. Сама культура по отношению к обществу оказывается в сложном положении: она либо вынуждена играть по правилам этого общества, либо занимать «отстраненно-ироническую позицию».

Чем вообще должна стать культура в XXI веке? Без ответа на этот вопрос трудно сформулировать принципы, которыми должны руководствоваться в своей деятельности культурные институты. Если в Средние века культура служила религии и Церкви, в эпоху Возрождения – городской знати и княжеской власти, начиная с эпохи Просвещения – обществу и гражданам, то в начале XX века она расщепилась на «высокую» и «низкую», т.е. авангардистскую и коммерческую, популярную культуры. К ним Пахтер и Лэндри добавляют еще одно понимание культуры –

⁵ Марк Пахтер, Чарльз Лэндри. Культура на перепутье. Культура и культурные институты в XXI веке. М.2003. С.15.

⁶ Там же. С. 16.

инструментальное, усматривающее ее ценность в способности служить политическим целям и стратегиям, направленным на общественное развитие или решение социальных проблем. Все эти разновидности культурной деятельности взаимодействуют друг с другом, создавая «невероятную путаницу целей». Противоречивая ситуация, сложившаяся в культуре, порождает негативные реакции, раздражения и недовольства (культура авангарда бросает вызов традиционной культуре, защитники последней отвергают авангард, поборники социальной роли культуры не приемлют ни того, ни другого, молодежная культура восстает против культуры классической), что ставит вопрос о приоритетах, какими все-таки должна руководствоваться культура в новых условиях. Как отмечают авторы книги, современное общество отдает предпочтение рынку, на котором люди реализуют свое стремление к материальному благополучию, комфорту, личной независимости и безопасности. Включенные в систему рыночных отношений, они и диктуют свои приоритеты культуре. Такие люди «предпочитают синицу в руках журавлю в небе; удовольствие для них выше самореализации, изобретательность важнее обычая, а открытость и общедоступность ценнее, чем привилегии»⁷.

Но что же в таком случае остается от самой культуры? В культуре, живущей по законам рынка, делающей рынок главным арбитром в определении своей важности и нужности, теряется различие между культурной ценностью и рыночной стоимостью. Ценность культуры измеряется, в конечном счете, ее ценой. Хотя рынок в современных условиях стремится приспособиться не только к материальным, но и к духовным запросам людей, всячески эстетизирует акт купли-продажи товара, придает ему видимость культурной услуги (превращая, например, с этой целью супермаркет в подобие культурного института), суть дела от этого не меняется – культура здесь не более, чем внешняя упаковка для торговой операции. Поставленная на службу торговле или сама ставшая торговлей, чьей единственной целью является извлечение прибыли, она перестает быть тем, чем была прежде – носителем общезначимых смыслов и ценностей. Можно ли вернуть культуре утраченный ею статус смыслопорождающей сферы человеческой жизни? – таким вопросом и задаются авторы книги. Ответа на него в книге нет, есть только робкая надежда, что такое решение рано или поздно будет найдено.

Судьба культуры зависит, разумеется, прежде всего, от тех, кто непосредственно занят в сфере духовного производства, создает своим трудом те или иные продукты символической деятельности. Но культурой в точном смысле этого слова они становятся, как уже говорилось, при посредстве культурных институтов, представляющих собой важнейшую часть любой современной социальной системы. Как и социальная система в целом они нуждаются поэтому не только в государственном финансировании, но и в правовом регулировании своей деятельности,

⁷ Там же. С.27.

являются объектом права. Еще одной культурной функцией государства (помимо чисто финансовой) оказывается, следовательно, его правотворческая деятельность в этой сфере.

В демократическом государстве субъектом права являются сами граждане, с согласия и по воле которых принимаются те или иные законы. Само же право должно включать в себя, помимо всего прочего, законы и нормы, устанавливающие легальные формы участия власти и граждан в культурной деятельности. Чисто волевое вмешательство государства в дела культуры в обход существующему законодательству должно быть квалифицировано, с этой точки зрения, как административный произвол и нарушение принципов демократии.

Выработка законодательства в сфере культуры – важнейшая обязанность государства, если оно хочет оградить эту сферу, как от произвола рынка (когда за деньги можно все), так и от произвола чиновников, поставить тому и другому предел. Право – единственно разумная альтернатива рыночному и административному беспределу, в том числе и в области культуры. Не удивительно поэтому, что многие законодательные инициативы в этой области инициируются часто не только государством, но и самими деятелями искусства и науки, кровно заинтересованными в судьбе культуры. Примером может служить разработанная академиком Д.С.Лихачевым в последние годы его жизни «Декларация прав культуры», ставшая широко известной благодаря Интернету. Не пересказывая в подробности все ее шестнадцать статей (каждый при желании может ознакомиться с ними по имеющейся публикации), обратим внимание на некоторые ее наиболее существенные пункты.

По мнению Д.С.Лихачева, культура обладает своими, только ей присущими правами (подобными, например, правам человека), с которыми должно считаться любое государство. Эти права заключены в природе самой культуры, являются, так сказать, ее неотъемлемыми, неотчуждаемыми правами, вне которых и без которых она не может существовать. К ним в первую очередь относится право каждой культуры на сохранение своей уникальности и самобытности, в том числе на сохранение языка, на котором мыслит и говорит создавший ее народ, который выражает его национальное самосознание, присущие ему культурные ценности, нормы и идеалы. В равной мере каждая культура имеет право на участие в общекультурной жизни всего человечества, а также на свою международную защиту в ситуации военных столкновений и межэтнических конфликтов. Безусловным правом культуры является свободный доступ к ней всех граждан общества, снятие на этом пути любых экономических, политических, таможенных ограничений и барьеров. И, наконец, культура обладает правом на поддержку со стороны государства, несущего юридическую и моральную ответственность за судьбу своей страны и населяющих ее народов. Эти права можно, конечно, и расширить, но дело не просто в их перечислении, но,

прежде всего, в констатации самого права культуры оставаться самой собой, а не тем, какой хотят ее видеть люди власти или денежные тузы.

Культуру, несомненно, можно использовать в целях, далеких от ее подлинного предназначения, – для личного обогащения и наживы, простого развлечения и бездумного веселья, внешнего прикрытия собственной пустоты, установления монопольной политической власти отдельного лица или партии, усиления доминирующей роли собственного государства в мире, проповеди превосходства одного народа, нации или расы над всеми другими. Амбиции бизнесменов, политиков, идеологов всех мастей весьма многообразны, и именно в культуре они часто ищут средство для их реализации. При этом нарушается право культуры быть тем, чем она является по своему существу – гуманизацией человеческих сил, связей и отношений. С нарушением этого права сама история общества оборачивается тупиком или полной бессмыслицей. На эту сторону дела и обращал внимание Д.С.Лихачев.

В такой постановке вопроса есть, однако, и нечто, вызывающее дальнейшее размышление. Если у культуры есть свои права, почему бы им не быть и у природы – у растений, животных и пр.? Права даются культуре все же не самой культурой, а обществом и живущими в нем людьми. Но все ли смотрят на культуру, тем более чужую, как на нечто священное? Известные из истории многочисленные случаи вандализма в отношении чужой культуры исходили из представления о святости только своей культуры. И как совместить «право каждой культуры» на существование с тем, что люди хотят для себя, с их убеждениями и верованиями? Ведь они часто расходятся между собой в понимании целей и задач культуры, того, зачем она им вообще нужна. Для одних целью культуры является счастье человека (так думали просветители), для других – его моральное совершенствование (Кант), для третьих – свобода творческого самовыражения (романтики). Согласно Ницше, целью культуры является «воспитание гения». И таких мнений великое множество. Даже принадлежа к одной и той же культуре, например, русской, люди могут придерживаться разных политических и идеологических убеждений, философских воззрений, эстетических вкусов. Верующий и атеист, идеалист и материалист, консерватор и радикал, западник и почвенник, видимо, будут отстаивать в культуре разные ценности. Можно ли все их требования к культуре облечь в единую правовую форму? Или кто-то из них должен быть ущемлен в своих притязаниях на культуру? На все эти вопросы и необходимо дать вразумительные ответы.

Право в демократическом государстве, как я понимаю, не должно предписывать человеку, кем именно он должен быть, что должен делать, во что верить, что желать для себя, к чему стремиться. Цели, которые люди ставят перед собой, не могут быть вменены им никаким правовым законодательством, находятся за пределами правовой компетенции. Они есть следствие свободного выбора и могут быть разными у людей,

придерживающихся разных убеждений и обладающих разными талантами. Правовые нормы тем и отличаются от ценностей, что регламентируют не цели деятельности, а средства, которые люди используют для их достижения. В достижении своих целей люди должны руководствоваться общими для всех законами, смысл которых – в минимизации ущерба, который они могут причинить друг другу. «Не делай вреда другим» - «категорический императив» любого правового предписания. В нем содержится указание не на то, что нужно делать, а на то, что нельзя делать ни при каких обстоятельствах. Право, короче, регламентирует поступки и действия людей со стороны не их целей, а используемых средств.

Люди могут, конечно, расходиться в целях своей непосредственной деятельности и, следовательно, по-разному оценивать то, что для них важно в плане культуры, но подобные расхождения не должны служить основанием для преследования и запрета чужой культуры. Право не предписывает человеку его культурной идентичности, но ставит под запрет любое действие, направленное против другой культуры, способное нанести ей ущерб. Иными словами, оно задает границы, за которые не должна выходить ни одна из культур в борьбе за собственное существование, ставит предел любой попытке утвердить превосходство одной культуры над другой. Культурное равенство людей возможно лишь при условии равенства всех культур в общегосударственном и мировом масштабе. Если чья-то культура ущемлена в своем праве на существование, о культурном равенстве людей не может быть и речи. А культурное неравенство влечет за собой неравенство во всех остальных сферах человеческой жизни – экономической, политической и социальной.

Подобное равенство может быть реально обеспечено не призывами и лозунгами, а только законодательными актами, предоставляющими каждому человеку *право на свободный выбор своей культурной идентичности*. Только сам человек может решить, в какой культуре он нуждается, кем хочет быть, что для него ценно в культурном плане. Никто за него решить этот вопрос не может. Но чтобы сделать осознанно такой выбор, человек должен иметь доступ ко всей культуре, или, говоря юридическим языком, иметь «*право на культуру*» во всем ее объеме и масштабе. Право каждой культуры на сохранение ее самобытности, о чем писал Д.С.Лихачев, немислимо без права каждого человека на всю культуру, позволяющего ему свободно выбирать в ней то, что ему наиболее близко и понятно.

В постиндустриальном и информационном обществе данное право выходит на одно из первых мест в системе всех остальных прав человека и гражданина. В признании своего преимущественного значения для общества оно вполне может конкурировать, например, с правом человека на частную собственность. Но в отличие от последнего право на культуру реализуется не на рынке и не в процессе предпринимательской деятельности, а посредством всей системы образования и просвещения, как она представлена разного рода культурными учреждениями и институтами. Сфера его реализации

охватывает практически все пространство свободного времени, роль и значение которого в жизни современного человека неизмеримо возрастает⁸.

В отличие от права на частную собственность право на культуру распространяется не на часть, а на все общественное богатство, как оно представлено в мировой культуре. Государство, желающее считаться с требованиями культуры, не может ограничить человека в его пользовании любой ее частью, будь то научное знание, создания искусства, те или иные виды творческой деятельности, средства коммуникации и формы общения. Данное право означает не просто право торговать культурой, превращать ее в объект чьей-то частной собственности, а право каждого владеть всей культурой целиком и без остатка. А что каждый лично для себя посчитает в культуре наиболее ценным и нужным, будет определяться только его собственным выбором.

Понятно, что практическая реализация такого права равносильна превращению человека в «основной капитал», конкурирующий с любой другой формой капитала – земельной, промышленной, финансовой и пр. – за приоритетную роль в обществе. Встав на защиту первого, способствуя его росту и процветанию, российская государственность сможет в плане демократии опередить даже западные страны, пока еще традиционно привязанные к интересам финансовых и промышленных корпораций. Ведь состояние, при котором место человека в обществе, его социальный престиж и величина дохода определяются, прежде всего, размерами культурного капитала, которым он реально владеет, возможно, и есть то, что принято называть социальной справедливостью. Необходимость переноса центра государственного интереса с роста овеществленного капитала (который, естественно, остается основной заботой рынка) на рост человеческого капитала диктуется и происходящей ныне социальной трансформацией современного общества

Одной из его главных характеристик является качественное преобразование основного производительного класса общества. Решающую роль в нем начинают играть люди интеллектуальных и творческих профессий, работники умственного труда. На наших глазах рождается новый тип производительного работника, оперирующего не механическими орудиями труда, а сложной вычислительной техникой. Местом его работы является не заводской цех, а конструкторское бюро, научная лаборатория, проектная мастерская или аналитическая служба, занимающие в техноструктуре современного производства все большее место. Профессиональной характеристикой такого работника является его способность генерировать новое знание, внедрять в производство новые образцы, поставлять информацию, повышать конкурентоспособность предприятия на рынке. В лице такого работника мы также имеем дело с классом (его иногда называют «креативным классом»), источником дохода

⁸ Проблема соотношения рабочего и свободного времени в плане реализации права человека на культуру рассмотрена мной в статье «Время труда и время свободы». Журн. «Культура.Общество.Личность».

которого является уже не данная ему от природы рабочая сила, а полученное в процессе образования знание. В производство он входит со своим особым капиталом, который в отличие от денежного капитала можно назвать культурным и который приобретается за рамками чисто экономической деятельности.

Подобного рода структурные изменения не могут не учитываться любым современным государством, в том числе и российским, должны каким-то образом фиксироваться в его законотворческой деятельности. Значение человеческого ресурса в современном обществе несопоставимо с любым другим, а его истощение, как количественное, так и качественное, нельзя ничем восполнить. И если государство озабочено сегодня демографическим спадом, вызывающим убыль населения, то не меньшую озабоченность должна вызывать опасность понижения его качественного, т.е. культурного, уровня. Право на образование и культуру, позволяющее человеку быть не имущественно, а духовно богатым существом, богатство которого заключено в его собственном индивидуальном развитии, выходит в современных условиях на одно из первых мест в системе всех остальных его прав. В каком-то смысле без такого права все другие повисают в воздухе. И разве какой-то иной человек потребен современному обществу?

Я не берусь судить о том, как именно российское государство сможет обеспечить сегодня конкретную реализацию этого права. Об этом пусть судят профессиональные юристы и экономисты. Но ясно одно: переориентация государства на цели культуры (а не только рынка), т.е. на цели всестороннего развития человека, его производства «как целостного и универсального продукта общества», является настоящей потребностью нашего времени, можно сказать, безусловным императивом проводимой им политики, чему нет никакой альтернативы. Без этой переориентации все остальные заявленные государством программы развития вряд ли достигнут желаемого результата.